

Если каждый возьмет на себя по шестьдесят процентов, то И Ши заработает пятнадцать процентов от первоначальной выручки за вино, а всё, что останется сверх того, можно пустить на угощение для зрителей.

Что это еще за выдумки?

Он не совсем понял.

Да чего там, у каждого в кармане лишние деньги водятся, вот и решили заняться благотворительностью.

Местные богачи, увидев, что главный заводила вовсю рассыпается в лести, тоже подтянулись, мол, и мы внесем свою лепту. В итоге все закончилось тем, что собравшиеся крупные и средние землевладельцы скинулись деньгами, чтобы преподнести их Сюньфу.

Более того, они велели стражникам во все горло объявлять, что Сюньфу желает разделить радость с народом, что сегодня все пьют до упаду, а угощения хватит на каждого.

Благосклонность толпы взлетела до небес, и похвалы в адрес Сюньфу зазвучали непрекращающимся громом. Ученые мужи, видя такое дело, принялись слагать стихи, прославляя происходящее и приписывая все заслуги Сюньфу.

Что?

И Ши опешил, но, заметив, как у Чжоу Хао рот расплылся до ушей, сразу понял, в чем тут дело.

Ну и ну.

Они все еще боятся Сюньфу, ведь он чиновник второго ранга, а значит, на этой земле — воплощение воли императора. Боятся все, даже те, у кого в Тайцзине есть связи и влияние. Он здесь представляет самого государя, и если кто-то помешает его делам, тот пойдет против воли императора. Кто возьмет на себя такую ответственность, если что-то пойдет не так?

Вот и тратят деньги, чтобы потешить его самолюбие.

— Чего застыл? Живо исполняй приказ Сюньфу! — рявкнул сын семейства Гун, увидев, что И Ши стоит без движения.

— Слушаюсь.

И Ши молча отступил, чтобы заняться организацией. Про себя же он выругался: чтоб вас всех, я-то вам чем помешал?

Чжоу Хао и Управляющий Ли мельком взглянули на него, но промолчали. Сын семейства Гун, решив, что угодил Сюньфу, сиял от гордости. Однако два почтенных чиновника лишь переглянулись: парень, ну ты и смельчак. Неужели ты не знаешь, кто стоит за его спиной?

Вскоре И Ши собрал всех работников, раздал толпе всё, что было съестного в особняке и ресторане, а остальных отправил закупаться на улицы. Скупали всё подчистую — в конце концов, расходы им возместят.

И Ши вздохнул: вот же неугомонные, неужели им спокойно не сидится за стихами?

Когда И Ши вернулся в зал, там по-прежнему выступала Хуакуй ресторана Хуайцзян. Правда, трое других уже закончили, и настала очередь последней — Ли Сяовань.

Все четыре Хуакуй были хороши собой, но каждая — словно цветок особого сорта. У них был совершенно разный нрав, и зрители получили истинное наслаждение. В отличие от остальных, чьи глаза были полны вождения, один человек смотрел на нее с нескрываемым обожанием. Это был Гун Чэн из семейства Гун.

Он завороченно смотрел на Ли Сяовань. Ему нравилась ее скрытая прелесть и утонченность, нравилась эта чистота, словно она была не от мира сего, но при этом глубоко проникала в сердца. Эта девушка напоминала одинокий цветок, источающий аромат в глубине долины, — лишь обладатель тонкого вкуса мог разглядеть ее красоту. Ему казалось, что Инхуа вульгарна и распутна, словно приворожившая всех демоница, а остальные Хуакуй — манерны и фальшивы. Лишь Ли Сяовань была иной.

— Ха-ха, брат Гун, боюсь, тебе не завоевать сердце госпожи Сяовань, — с улыбкой заметил молодой господин Шэнь, видя его одержимость.

— Что ты имеешь в виду, брат Шэнь? — Гун Чэн замер.

— До тебя нашелся тот, кто уже получил ее цветочный шар.

— Что! — лицо Гун Чэна исказилось от ужаса.

— Ты только что вернулся из Тайцзина и не знаешь: некоторое время назад один человек сочинил стихотворение, которое покорило сердце госпожи Сяовань, — пояснил господин Шэнь.

— Невозможно! Она... она даже моих стихов не принимала!

Гун Чэн не мог в это поверить. У Ли Сяовань были высокие запросы, и обычные стихи она не жаловала. Именно поэтому, чем недоступнее она была, тем сильнее он ее желал, находя ее особенной. Неужели кто-то смог получить ее шар? Значит ли это, что он лучше меня?

— Кто?! Кто сочинил это стихотворение, и что это за стихи? — Гун Чэн был в ярости.

— Это не стихи, а цы. И Ли Сяовань только что исполнила их сама.

Не успел господин Шэнь договорить, как со сцены раздался печальный и нежный женский голос. Шумный праздник мгновенно стих.

— Стою на башне, ветер чуть колышет, тоска весенняя вдали, как мгла, растет. В лучах заката травы поблекли, кто поймет печаль мою у перил?

И Ши умел только сочинять цы, но не знал, как писать музыку или петь. Он даже не понимал разницы между стихами и цы. Аранжировку Ли Сяовань сделала сама. Обладая редким даром, она подобрала подходящую мелодию. Зазвучали цинь и пипа. Песня была нежной, но в то же время скорбной. Она пела медленно, вкладывая в каждое слово столько чувств, что в сердцах людей поселилась печаль.

— Хотел бы в безумстве забыться, вином заливая тоску, но радость пуста. Худею, но не жалею о том, что ради нее изнуряю себя.

Дослушав, Чжоу Хао невольно вздохнул:

— Эх, когда я был в Тайцзине на учебе, каждый день тосковал по А-Жоу, боясь, что ей здесь, в Хуайцзяне, придется несладко. Худею, но не жалею о том, что ради нее изнуряю себя... Как же тонко сказано! Я тогда куска в горло не брал, исхудал, мечтая вернуться в Бяньцзян и увидеть ее хоть раз. Госпожа Сяовань, эти строки...

— Господин Сюньфу, автор этих строк стоит прямо за вашей спиной, — ответила Ли Сяовань.

Все обернулись и увидели И Ши, который стоял, скрестив руки за спиной. Он был статен, взгляд его был ясным и уверенным. Если бы не столько людей вокруг, девушки, наверное, закричали бы от восторга. Этот парень не только талантлив, но и так мастерски слагает стихи!

— Маленький хозяин, эти строки...

И Ши улыбнулся:

— Отвечаю господину Сюньфу: в юности я пережил смуту. Варвары прорвали стену, вырезали моих родителей и сестер, обрекая меня на скитания. У меня была подруга детства, но в пути мы потерялись. Мы были очень близки, и вот уже пять лет прошло, не знаю, жива она или мертва. Я так тоскую по ней, что в дороге сложил эти строки.

И Ши сыграл свою роль на славу: на его лице застыла такая скорбь, что у всех присутствующих на душе стало тяжело.

— Нет горя горше, чем разлука навсегда. Я понимаю твою боль. Двор предал народ Дунъаня, — с горечью произнес он. — Проклятые варвары! Вторгаются на наши земли, убивают наш народ, пользуясь тем, что повсюду случаются бедствия! Ненавижу, как же я их ненавижу! — Чжоу Хао бил себя в грудь.

Его гневная тирада не казалась притворством. Когда варвары прорывают заставы и вырезают тысячи ли, у любого порядочного чиновника сердце обливается кровью. Конечно, бездарным правителям и продажным сановникам на это наплевать.

Собравшиеся ученые вскипели от праведного гнева и принялись один за другим слагать стихи, проклиная варваров. И Ши хотелось смеяться: ребята, вы бы не только языком мололи.

— Маленький хозяин, не ожидал, что ты такой талант, — рассмеялся Сюньфу.

— Вы мне льстите. Я с юности скитался и не изучал Четверокнижие и Пятикнижие.

Стоило им услышать, что он не читал священных книг и по сути — неуч, как спесь ученых мужей тут же взяла верх. Только что они смотрели на него с уважением, а теперь — свысока и с презрением. Ничего не поделаешь: в Поздней Цинь, даже если ты крут, но у тебя нет ученых степеней, тебя не будут уважать. И каким бы гением ты ни был, тебя назовут выскочкой, просто потому что ты не умеешь учиться.

— Слышал, ты автор Оды Лошэнь? — вдруг спросил Управляющий Ли.

— О? Ода Лошэнь? — удивился Чжоу Хао.

— Ха-ха, господин Сюньфу, вы не смотрите на него свысока. Недавно он благодаря этой оде завоевал цветочный шар и сердце госпожи Сяовань, прямо как вы в свое время.

Услышав это, Чжоу Хао почувствовал, что нашел родственную душу. Ого? Неужели... неужели он такой же, как я? Тоже мужчина, покоровший сердце Хуакуй. В одно мгновение он нашел с И Ши кучу общих тем.

— Маленький хозяин, не окажешь ли честь прочитать эту Оду Лошэнь?

— Слушаюсь.

Гун Чэн, слушая это, чуть не взорвался от злости. Его глаза налились кровью, он дрожал от ярости. Это он! Это он украл сердце Ли Сяовань! И кто? Какой-то никчемный человек без всякого социального статуса? У Гун Чэна сорвало крышу.

— Брат Гун, эта его Ода Лошэнь не так проста. После сегодняшнего дня о Ли Сяовань узнает вся провинция Хуай, боюсь, у тебя больше нет шансов.

Господин Шэнь любил подливать масла в огонь, видя, что тот не в духе.

— Ее облик — словно грациозный лебедь, изящный, как парящий дракон. Сияет, как осенние хризантемы, пышна, как сосны весной. Подобна легким облакам, скрывающим луну, легка, как снег, кружащийся на ветру. Глянешь издали — ясна, как утреннее солнце в лучах зари; посмотришь вблизи — ослепительна, как лотос, выходящий из вод.

И Ши прочел самые яркие строки, и всех охватило изумление. Какой слог! Какое восхваление! Этими словами он вознес красоту Ли Сяовань на недостижимую вершину. Перо литератора обладает огромной силой: если произведение потрясет всю страну, то и воспетая в нем особа останется в веках. Самый яркий пример — Ли Тайбай. Его строки о глубоких водах озера Таохуа, что не сравнятся с чувствами Ван Луня, стали бессмертными. Он даже писал стихи губернатору, мастерски ему польстив.

Дослушав, Чжоу Хао пришел в такой восторг, что вскочил и, схватив И Ши за руку, расхохотался:

— Ха-ха-ха! Маленький хозяин, не учиться и не сдавать экзамены — это пустая трата такого таланта!

— Не смею, не смею. У меня есть важные дела, хотя сердцем я стремлюсь к благу народа.

Чжоу Хао помедлил и, движимый добрыми побуждениями, наклонился и прошептал ему на ухо:

— Та госпожа отличается странным и переменчивым нравом, с ней нелегко ладить. Друг мой, будь осторожен.

И Ши понял его намек и с благодарностью слегка поклонился.

Даже если бы он не сказал, И Ши сам это замечал. Госпожа Сяо действительно невыносима, ее

характер — та еще загадка. К тому же он ничего не знал о ее происхождении и не мог угадать, что у нее на уме. Поэтому рядом с ней И Ши всегда чувствовал себя как рядом с тигром, боясь, что одно неверное слово выведет ее из себя. А если она его прикончит, никто его не спасет. Человеческое сердце переменчиво, лучше не пытаться заглянуть в него слишком глубоко.

— Ха-ха, маленький хозяин, в ресторане Хуайцзян есть летопись, где записывают все забавные истории, случающиеся здесь каждый день. А если кто-то завоюет шар Хуакуй, да еще и девственницы, то об этом пишут в отдельной книге, чтобы имя осталось в веках.

И Ши лишь улыбнулся. Все думали, что у него с Ли Сяовань что-то было, хотя на самом деле между ними ничего нет. Кто бы мог подумать, что в Поздней Цинь за связи с женщинами можно попасть в историю. Неудивительно, что разврат здесь считается признаком утонченности, — воистину дивные нравы.

Чжоу Хао вернулся на свое место, и праздник продолжился. Прошло еще немного времени, и настал черед следующего этапа. Девушки закончили выступать, настала очередь талантов.

Один ученый поднялся, весь красный, и заговорил, запинаясь:

— Сегодня я хочу посвятить стихотворение госпоже Лю Сян, прошу, примите его.

Мужчины зааплодировали, а девушки посмотрели на одну из дочерей знатных семей. Ей было шестнадцать, самый расцвет юности, и от такого публичного признания она залилась краской. Она была смущена, но в глазах ее светились счастье и радость.

Затем ученый начал читать. Это было любовное стихотворение, которое И Ши показалось посредственным — он не понимал толк в этих виршах. Вроде бы складно, но что за содержание? По-настоящему глубокие и сильные стихи, которые он помнил, были из учебников его прошлой жизни. Не каждый же Ли Тайбай или Ду Фу. Сочинение стихов — это тоже талант.

Как только он закончил, Сюньфу захлопал в ладоши и крикнул: Хорошие стихи! Он расхвалил парня, всячески возвышая его. Это было сделано для того, чтобы помочь влюбленным: если сам Сюньфу хвалит, в глазах окружающих это признак большого таланта. Тогда и сватовство пройдет легче.

Один признался, другие подхватили. Оказалось, что этот этап поэтического пира — время для признаний. И Ши был удивлен. Конечно, не у всех все шло гладко, многих отвергали прямо при всех.

Позже все напились до беспамятства и начали болтать лишнее. Выплескивали обиды: неудачи в карьере, в любви, в жизни — всё выходило наружу. Кое-кто даже полез в драку с врагами, пока стражники их не растащили. Хорошо, что у И Ши было много вина в запасе, иначе на всех бы не хватило.

Важные персоны, правда, не напились, но, разогревшись, захотели развлечься. Сюньфу предложил устроить конкурс на лучшее стихотворение. Импровизация — задача куда сложнее. Все согласились, ведь в импровизации все зависит от таланта.

— Давайте я предложу тему, а того, кто победит, я порекомендую в Гоцзыцзянь, — сказал Чжао Вэнь.

Несколько важных чиновников по очереди предлагали темы и выдвигали свои требования.

— Хорошо, раз такова воля главы академии, есть желающие попробовать? — согласился Чжоу Хао.

У ученых загорелись глаза. Это же манна небесная! Гоцзыцзянь — святая святых образования в Поздней Цинь, находится в Тайцзине. Если повезет пригласиться высокому чиновнику, то при успешной сдаче экзаменов блестящее будущее обеспечено.

И все принялись строчить стихи.

Слышались восторженные крики, но И Ши лишь качал головой. Что это за чепуха? Коряво, бессвязно, поверхностно. Воспитанный на классической литературе, И Ши с презрением относился к их потугам.

В конце концов, один из них победил и чуть не сошел с ума от счастья. Остальные поздравляли его, напоминая, как вместе учились, и просили не забывать друзей, когда он взлетит.

Очередь дошла до Лю Чуна. Он посмотрел на И Ши, немного подумал и сказал:

— Жизнь трудна, горька, как чай, и никогда не идет по маслу. Моя тема — Трудность! Жизнь трудна, карьера трудна — подойдет что угодно.

Это поставило всех в тупик. Трудность... У молодых ученых мало жизненного опыта, как им написать о трудности? Они ломали головы, но ничего путного не выходило.

Вдруг подал голос Гун Чэн:

— У меня есть стихотворение.

— Прошу, господин Гун.

— Посылаю слова уходящей осени, вновь ветер дует, хочу уйти, но перед чашей воды полно в озере. Разрыв звучит, тоска — мой спутник, тайный аромат скрыт в книге у изголовья.

Когда он закончил, И Ши показалось, что вышло довольно складно. Он не требовал от них многого, лишь бы стихи были гладкими.

— Хм, и правда трудно, неплохо, — Лю Чун слегка покачал головой, хотя изначально не хотел давать оценку.

— Ха-ха, брат Лю, твоя тема слишком сложна для них, откуда этим юнцам знать, что такое трудность? — Чжоу Хао это не смутило, главное, что стихи написаны.

— И то верно.

Стихи Гун Чэна были слабыми, а первая строчка про уходящую осень — явная попытка казаться печальным. Тебе сколько лет, чтобы рассуждать об уходящей осени?

Гун Чэн получил немало похвал, а другие выходцы из четырех великих семейств не скупились на лесть. Его физиономия сияла от гордости. Он то и дело поглядывал на И Ши, словно хотел что-то сказать.

Наконец он не выдержал:

— Слышал, у хозяина ресторана неплохой слог, почему бы и тебе не сочинить стихотворение?

— Нет, не хочу позориться, — И Ши лишь усмехнулся, не собираясь поддаваться на провокации.

— Хоть ты и не учился, на поэтическом пиру все равны, почему бы не поучаствовать? — он не унимался. — Ведь человек, способный написать Оду Лошэнь и Бабочку, влюбленную в цветы, не может быть обычным.

Тут-то он и раскрыл карты — решил придраться! И Ши усмехнулся про себя: ну ты и гаденыш, решил на мне отыграться? Ну, погоди.

— Да-да, у хозяина талант, чего бы не сочинить?

— Я уверен, раз он написал Бабочку, то сможет написать еще одно такое же.

Некоторые, кому он был как кость в горле, увидев шанс его унижить, тут же показали свое истинное лицо.

— Ха-ха, маленький хозяин, не заставляй себя. Учеба — великий дар небес, не каждому дано, — Чжоу Хао решил дать ему возможность отступить.

— Раз уж вы просите, я сочиню, — И Ши, видя, что отступать некуда, перестал скромничать.

Все хотите получить по зубам? Хорошо, я покажу вам класс.

— Но это стихотворение о моем отце. Он всю жизнь трудился ради семьи, а в итоге погиб от меча варваров... Эх.

И Ши нужно было оправдание для своего стихотворения.

— Ничего, прошу, — усмехнулся Гун Чэн. Он пришел сюда, чтобы его принизить, и не верил, что И Ши сможет написать что-то стоящее. В его глазах человек без образования, написавший Оду Лошэнь и Бабочку, либо просто невероятный везунчик, либо купил эти стихи.

— Ветер яростен, небо высоко, обезьяны воют от тоски, у отмели чистой песок бел, птицы летят назад. Бескрайние леса роняют листву, бесконечно катит воды длинная река.

И Ши сделал шаг вперед и медленно зачитал.

— Вдали от дома, в печали, я часто гость, болен и стар, один поднимаюсь на башню. Трудности и горечь посеребрили виски, в упадке, с чашей мутного вина в руке.

Наступила тишина. Гун Чэн стоял, открыв рот, его лицо горело от стыда. Как и сказал И Ши, написать гладкие стихи — уже неплохо. Восхождение, возможно, было одним из пяти стихотворений о празднике Девятого дня, но именно оно вышло столь удачным, что его выделили в отдельное произведение. Через пейзаж осенней реки, увиденный с высоты, это стихотворение передавало сложные чувства автора, его многолетние скитания, болезни и одиночество — искренние, волнующие душу слова. Одно слово — шедевр!

И Ши, когда учил его в свое время, запомнил с пары прочтений. Оно было настолько складным и стройным, что врезалось в память навсегда. Все замерли. На первый взгляд ничего особенного, но стоит вдуматься — и понимаешь, насколько оно мощное. Оно легко ложилось на слух, а строки были пронизаны печалью осени. С древности осень — самое печальное время года, и стихи об этом лучше всего передают чувства. Но написать их так, чтобы они звучали великолепно, — совсем другое дело.

— Хорошо! Какие стихи! Господин — воистину божественный человек! — Лю Чун был подавлен. Ему казалось, что все его знания — ничто.

Чжоу Хао отставил чашу с вином и схватил его за руку:

— Маленький хозяин, иди ко мне учиться!

— Э-э... господин Сюньфу, это не очень удобно.

— Не волнуйся, я поговорю с Ее Высочеством. У тебя такой талант, негоже пропадать. Уверен, она будет только рада, если ты проявишь себя на государственной службе.

— Но Ее Высочество поручила мне важное дело, как я могу бросить его на полпути и разгневаться на нее? — И Ши отказался, на ходу выдумав предлог.

— Эх, и то верно. Она не из тех, с кем легко сблизиться, и не факт, что послушает меня. Если я ее разозлю — не сносить головы, — Чжоу Хао призадумался, и это показалось ему разумным.

Эта Высочество, конечно, была госпожа Сяо. Она называла себя Бэньгун, и статус ее был крайне высок. Неизвестно, принцесса она или кто-то еще. С фамилией Сяо...

— В этих строках чувствуется вся трагедия твоего отца, как это печально, — вздохнул Лю Чун.

И Ши, сочиняя стихи, специально использовал покойного отца как предлог. Ведь стихи Ду Фу позднего периода были полны жизненного опыта, и если бы он сочинил их от своего лица, это звучало бы фальшиво. Одни только слова о трудностях, горечи и поседевших волосах никак не подходили человеку его возраста.

— Да, семья скиталась по всей стране, и едва осев, была вырезана варварами, — И Ши сыграл свою роль на пределе, готовый вот-вот заплакать.

— Этот мир жесток, а тяжелее всего народу, бедствия и войны не прекращаются, — Чжоу Хао тяжело вздохнул.

<http://bllate.org/book/18529/1782353>